

ПІДСЕКЦІЯ ФІЛОСОФІЯ

ИДЕЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ» И СТЕРЕОТИПЫ ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А. М. Ерёменко, д.ф.н., профессор

Восточнoукраинский национальный университет им. В.Даля,
кафедра философии,
г. Северодонецк

Настойчивое и во многом успешное стремление реанимировать имперскую идею просматривается как в социально-политической практике современной российской власти, так и в теоретических построениях некоторых российских учёных, плавно переходящих в идеологические лозунги.

Одним из примеров, на наш взгляд, явно не органического синтеза теории и идеологии может служить конференция «Москва – Третий Рим», состоявшаяся 11 ноября 2014 г. в Москве в рамках выставки-форума «Православная Русь. Моя история. Рюриковичи». В докладах, прозвучавших на конференции, анализировались исторические предпосылки возникновения идеи третьего Рима и её эволюция в Российской империи, а также современные научные подходы к проблематике взаимодействия религиозных, культурологических и социально-политических аспектов российской имперскости как феномена общественного сознания.

В первой половине XVI века старец и игумен Псковского Елеазарова монастыря Филофей в нескольких посланиях обосновал особую миссию усилившейся Москвы. В послании дьяку Мисюрю (Михаилу) Мунехину (1527-28 г.г.) он писал: «...все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать» [1, 453].

Можно говорить о двух основных способах интерпретации посланий Филофея. Представители первой точки зрения категорически отрицают как наличие империалистических интенций в посланиях старца, так и существенное влияние посланий на политику императорской власти. Так, Н. Синицына полагает, что «в концепцию Филофея вживлялся такой мессианистический, политический, империалистический смысл, которым она исторически не обладала» [2, 10]. По мнению исследователя,

распространённые клише о том, что идея Филофея, якобы, акцентировала апеллирование к «византийскому наследию» московского самодержавия и выполняла функцию официальной государственной доктрины, не соответствующей действительности. Эти клише первоначально возникли не в академическом, а в публицистическом дискурсе российской общественной мысли во второй половине XIX века в политическом контексте так называемого «восточного вопроса» [2, 12].

Представители другой точки зрения полагают, что в концепции Филофея содержались не только религиозно-мессианистические, но и политические интенции, в том числе возможность империалистического прочтения. Идея третьего Рима была не только известна российским самодержцам, но и оказывала определённое влияние на их политику.

Б. Успенский находит истоки этой идеи в эсхатологических ожиданиях, обострившихся в православном мире в связи с ожиданием в 1492 году конца света.

Большое значения для формирования идеи богоизбранности Москвы имели два события: взятие османами Константинополя в 1453 году и отпор Золотой Орде во время «стояния на Угре» в 1480 году. После падения Константинополя Московское княжество оказалось, практически, единственным православным государством.

По мнению Б. Успенского, доктрина третьего Рима с самого начала вызвала достаточно сильный резонанс. «Это представление оказывает существенное влияние на русскую историю, определяя политические амбиции русских монархов и в конечном счёте – появление Московского царства, ставшего затем Российской империей» [3, 103].

Между прочим, старец поступил новаторски: в противовес раннесредневековой и даже библейской (NB?!) традиции, учившей о смене *четырёх* царств, Филофей настаивает на *трёх* царствах («а четвёртому не бывать»).

По нашему мнению, новаторство старца здесь не столь масштабно, как представляется на первый взгляд. Понимание всемирной истории как смены царств восходит к известному образу истукана, разрушенного камнем, из книги Даниила (Дан., 2, 31-45). Четыре царства и четыре эпохи мировой истории возникают и разрушаются в соответствии с символикой составных частей истукана: золотой, серебряной, медной и железно-глиняной (Дан., 2, 32-33). Варианты конкретно-исторической интерпретации царств разнообразны. Наиболее правдоподобной, на наш взгляд, является следующая: золото – Нововавилонское царство, серебро – персидская империя, медь – Греко-македонская, железо и глина – Римская империя. Падение четвёртого царства будет знаменовать конец мировой истории и вообще конец света.

Западная Римская империя («первый Рим») пала в V веке; Восточная («второй Рим») – в XV веке. Подчеркнём, что второй Рим (Византия) не есть новое, пятое царство. Это продолжающееся четвёртое царство. Однако приход антихриста и наступление конца времён отсрочиваются благодаря сохранившемуся в бурях истории православному царству. «Эстафета» Римской империи переходит к Московскому великому князю, и передаёт её не кто иной, как православная церковь. Таким образом, Москва – это, как бы, «третий Рим четвёртого царства».

Как видим, пророчество Филофея имело не только политический смысл. Москва не только может, но и должна претендовать на гораздо большее: её всемирно-историческая миссия в том, чтобы до конца времён быть очагом и оплотом истинной веры. По мнению Б. Успенского, контекст апокалиптических пророчеств обуславливает восприятие Филофеем Москвы не просто как *нового*, но как *последнего* Рима [3, 97]. «Существенно при этом, что Москва сначала понимается как новый Иерусалим, а затем – уже на этом фоне – как новый Рим, то есть теократическое государство становится империей (а не наоборот!)» [3, 87].

Мы отнюдь не претендуем на лавры старца, тем более Филофея. Но мы хотели бы специально для православных имперцев высказать нечто вроде пророчества: *два Рима пали, утвердился третий. Третий падёт, и в скором времени. А если будет четвёртый, то и он падёт... А если будет двадцать восьмой, то и двадцать восьмой падёт.*

Здесь мы хотим со всей возможной чёткостью обозначить свою позицию. Наш дискурс является светски-рационалистическим. Мы рассматриваем империю исключительно как социально-исторический феномен. Мы категорически протестуем против любых форм сакрализации империи. Сложилась мощная традиция обнаруживать в империи некий религиозный, чуть ли не демиургический смысл. Якобы, империя есть нечто большее, чем просто государство. «Настоящая» империя обладает некими «космоустроительными», упорядочивающими функциями. «Космосу» империи противостоит «хаос» варварской периферии. Империя призвана установить справедливость, вечный мир, цивилизацию, высокую культуру и т. д., вплоть до Царства Божия. При этом, явно или неявно, империя мыслится по типу Римской. Именно Римская империя оказывается неким идеальным образцом всякой империи.

Мы не отрицаем, что *идея* империи (во всяком случае, Римской и Китайской), по всей видимости, такова. Мы обращаем внимание на тот труднооспоримый факт, что *имперскость как социально-историческая практика находится в разительном противоречии с эйдетическим сиянием идеи империи*. Мы полагаем, что *практика имперскости важнее идеи империи*.

Оттолкнёмся от этимологии слова «империя». Как известно, в римском праве различалось два основных вида власти: *imperium* и *potestas*. *Imperium* было гораздо обширнее *potestas*: оно включало общедминистративные и военные полномочия, а также право уголовной юстиции. Таковой была, например, власть консула, командующего войском. При этом *imperium* усиливалась вне Города, поскольку за пределами городских стен решение магистрата невозможно было обжаловать.

Со времён Второй Пунической войны императором стали называть военачальника, одержавшего крупную победу над неприятелем. Причём зачастую сами солдаты на поле боя провозглашали императором победоносного полководца, а уже затем сенат утверждал этот титул. Первым императором-победителем был провозглашён Сципион Африканский. Цезарь и Октавиан Август стали носить этот титул постоянно.

Бесспорными здесь являются две вещи. Первое: Римская империя возникла до возникновения христианства и первоначально не имела никакого христианского и эсхатологического смысла. Второе: империя сложилась в результате стихийного хода истории и представляла собой юридическую институализацию властных отношений, сформировавшихся в ходе Гражданских войн.

Воспользуемся, возможно, не слишком строгим и полным определением понятия империи, но достаточным в рамках нашего дискурса. *Империя* есть государство, обладающее большой территорией и народонаселением, образованное путём насильственного включения в свой состав территорий других государств или народов и характеризующееся достаточно высоким уровнем авторитаризма государственной власти.

Под «насильственным включением» подразумевается не обязательно завоевание, хотя, в первую очередь, завоевание. Это может быть «добровольное присоединение» слабого государства вследствие осознания его правящей элитой бесперспективности его самостоятельного существования в соседстве с сильным. Авторитаризм не обязательно должен проявляться в управлении гражданами метрополии, но обязательно – в той или иной мере – в управлении колониями.

Подчеркнём, что наличие колоний является необходимым атрибутом империи. Империя – это обязательно *метрополия плюс колонии*.

Исходя из предложенного выше определения, поясним, чем именно нас не устраивает всякая имперскость. Для нас неприемлем культ силы, неизбежно присущий имперской власти. И особенно неприемлем авторитаризм, с ещё большей необходимостью вытекающий из природы империи. Авторитарная государственная власть есть зло. А если это власть

имперская, то возрастает масштаб её авторитарности, а, следовательно, усиливается её злое начало.

Государство – это зло, правда, зло необходимое. Оно является благом в том смысле, что без него воцарилась бы анархия, то есть, совсем плохое состояние. Государство есть благо не само по себе, а поскольку оно препятствует большему злу, чем оно само.

В принципе возможна государственная власть, которая исходит из приоритета интересов общественного целого, а не своих собственных. Власть, которая действительно старается обеспечить благосостояние граждан, их правовую защищённость, культурные запросы. Власть ведёт себя прилично по отношению к гражданам, как правило, в тех государствах, в которых развито гражданское общество. *Истина не в государстве, тем более – не в имперском, истина в гражданском обществе.* Будущее не за сильным государством, а за сильным гражданским обществом.

Когда говорят, что будущее принадлежит империям, то, думаю, много на себя берут. При этом совершают распространённую в социальной философии ошибку: экстраполирование прошлого на будущее. Если история наполнена возникновением и ростом различных империй, их соперничеством и борьбой (между прочим, она наполнена также их крахом и распадом), то из этого не вытекает, что и будущее будет заполнено такими же событиями. По нашему мнению, империям принадлежит прошлое, гражданскому обществу – будущее.

И в завершение хотелось бы вернуться к конференции «Москва – Третий Рим». Выступление известного российского геополитика А. Дугина, на наш взгляд, выходит далеко за пределы научного дискурса. Апологет современной российской имперскости полагает, что христиане, проживающие в «неправильной политической системе» (а таковой он считает «Богом проклятый Запад»), не должны в душе говорить этой системе «да». Они не должны признавать легитимность любого политического устройства, кроме имперского. «И сегодня очень важно отозвать легитимность от либеральных, демократических, светских и даже националистических политических моделей. ... Одно дело, когда мы говорим демократии «да» и на самом деле признаём её легитимность, как и либерализма, западничества, а другое дело, даже не будучи в силах построить империю, мы должны сказать этому «нет».» [4]. Получается, что «настоящие» христиане Европы и Северной Америки должны стать, своего рода, «пятой колонной» путинской России.

Мы не хотим вдаваться в полемику с господином Дугиным (если вообще возможно полемизировать с лозунгами). Мы хотели бы, всего-навсего, подчеркнуть, что в современном мире любая апелляция к

религиозно-метафизическим основаниям политики не просто опасна – взрывоопасна в прямом смысле слова. Стремление строить реальную политику из той или иной – неважно какой именно – Большой Идеи не просто подрывает устои современного миропорядка, оно убивает людей.

Увы, лозунгам могут быть противопоставлены лишь лозунги. Поэтому вот наш лозунг для господина Дугина: *сбросим метафизические основания политики с самолёта современности.*

Л и т е р а т у р а

1. Филофей. Послание о неблагоприятных днях и часах // Памятники литературы Древней Руси. Конец ХУ – первая половина ХУ1 века. – М.: Художественная литература, 1984. – 768 с. – С. 442-455.
2. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (ХУ-ХУ1 в.в.). – М.: Издательство «Индрик», 1998. – 416 с.
3. Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // Б. А. Успенский. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 608 с. – С. 83-123.
4. Дугин А. Г. Третий Рим как национальная идея // [Электронный ресурс [beregus.ru](http://beregus.ru/?p=3839)>?p=3839].